

Виталий Бернштейн

Эшелон на север

Виталий Бернштейн
Эшелон на север

«Автор»

2000

Бернштейн В.

Эшелон на север / В. Бернштейн — «Автор», 2000

© Бернштейн В., 2000

© Автор, 2000

Виталий Бернштейн

Эшелон на север

Памяти Григория Бескровного

Часто снилась потом Гришке дедова хата, где прошли его счастливые детские годы. Просторная, добротнo обустроенная – лучшая хата в Небраткове. Стояла она на краю села, на взгорке, оттуда видны были заречные луга, лесок за ними.

По деревенским понятиям семья Иванчуков считалась не такой и большой. Четверых детей подняли дед Василь с бабкой Катериной. Да еще один ребеночек умер у Катерины в ангельском возрасте – Бог дал, Бог и взял.

Когда объявили НЭП, Андрей, их старший сын, подался на строительные работы в Киев. Там и осел. Василь не одобрял этого, считал, что работа на земле – самая главная на свете. Но как потом оказалось, этим Андрей и оберек себя. А младший сын Захар остался с отцом, матерью в родном Небраткове, на Киевщине. Для него поставил Василь на своей усадьбе маленькую хатку – Захар женился недавно, детей пока не было. А в родительской хате, с Василем и Катериной, жили две дочери: семнадцатилетняя Настенька да еще Фрося с мужем и двумя сыновьями-мальцами. Хата большая, места хватало.

Хозяйство Иванчуков считалось зажиточным. Держали трех лошадей, двух коров, несколько свинок, десятка три кур. Земельный надел – восемь десятин. А еще владели ветряной мельницей. В соседней Алексеевке стояла большая мельница – жернова крутила паровая машина. Но и у деда Василя на его ветряке работа не переводилась. Помогал ему Захар, парень тихий, руки золотые, с любым механизмом разобраться мог.

Потом и Фросин муж в семье объявился, тоже помощник хоть куда. Происходил Микола из Алексеевки, из семьи небогатой, но работающей. Увидел как-то на посиделках миловидную, застенчивую Фросю – сразу влюбился. И ей Микола нравился. Поначалу Василь не давал согласия на их женитьбу. Не смея выходить из отцовской воли, Фрося по ночам тихо всхлипывала в подушку. Тогда вступилась мать. Редко перечила мужу Катерина, но тут был такой случай. И Василь смягчился. Свадьбу сыграли шумную.

«Примак» Микола – так называли мужей, принятых в семью жены, – очень быстро стал правой рукой деда. В отличие от тихого Захара, во всем послушного отцу, Микола, шумливый, скорый в движениях, иногда даже осмеливался перечить. Но по делу. Предложил, например, Микола, завести пчельник. Василь сперва сомневался, будет ли выгода. Все-таки попробовали – и Микола оказался прав. В базарные дни отвозил он пахнущий гречихой мед, собранный на заречных лугах, в Алексеевку или чуть дальше, на станцию Каменку. Хорошо продавался мед. Так и жили Иванчуки, трудились с утра до вечера, богатели своим трудом.

Но НЭП заканчивался, приближался «великий перелом». Ганна, жена Захара, работала в местной кооперативной лавке. Оттуда и приносила иногда московскую газету «Правду». После ужина, близоруко щурясь, Захар читал ее вслух отцу и Миколу. Месяц за месяцем все больше распалялась «Правда» от ненависти к деревенским «мироодам». Мрачнело лицо деда Василя, уныло вздыхал Захар. Только Микола, молодым пареньком, уже под конец гражданской войны, мобилизованный в Красную Армию, улыбался благодушно.

– Не волнуйтесь, батя. Не про нас писано. Не для того мы бились с беляками насмерть, чтобы трудовое крестьянство в обиду дать. Самые трудовые мы и есть. Неужто рвань эта – Ивашка Евтухов с его комитетом «незаможних селян»? Им бы только самогону нажраться да на сходе горло подрать. Работать они не больно-то любят – потому и незаможные. Кабы все деревенские работали, как мы, давно бы в городах перебоев с хлебом не было. Вот этими руками и себя кормим, и державу советскую. – Микола выбрасывал на стол, чисто выскобленный бабкой

Катериной, огромные ручищи. Ладони в толстых мозолях, под кожей вздувшиеся вены гонят темно-синюю кровь, перекачиваются бугры мышц.

Дед Василь ничего не отвечал Миколу, с сомнением качал головой.

В августе двадцать девятого года приспела в Небраткове пора «колхозного строительства». Приехал из райцентра уполномоченный с портфелем, с ним трое милиционеров. Созвали сход. Из семьи Иванчуков пошли на сход дед Василь, Захар, Микола. Да еще увязался за Миколой его семилетний малец Гришка... Запомнился Гришке тот день: пыльная площадь, вынесенный из сельсовета длинный стол, по торжественному случаю красной тряпичей застеленный, за столом – важный, толстомордый уполномоченный вместе с активистами из комитета «незамужних».

– Братишки-селяне! – закричал Ивашка Евтухов, разевая рот с выбитым недавно по пьянке зубом. – Вот и пришло наше, значит, счастливое времечко – сказала линия генеральная, что жить нам теперь одной колхозной семьей. Землица, живность, а также эти, значит, труда орудия – все будет общее.

– А как линия насчет баб распорядилась? – раздался из толпы чей-то охальный голос.

Расползлись в улыбке слюнявые Ивашкины губы.

– Про баб, значит, пока указания не поступало. А поступит – так обобществим за милую душу. Если партия велит...

Из-за стола сердито цыкнул уполномоченный. На полуслове замолчал Ивашка, потушил улыбку.

– Это шучу я, братишки. А если серьезно, то, не откладывая, пишите заявления, значит, добровольные в колхоз. Название ему привез товарищ уполномоченный очень даже верное – «Шлях к коммунизму». На той неделе сойдемся опять, правление выберем. И начнем счастливую жизнь. А скот чтобы привести весь на колхозный двор. Будут теперь буренки дружно шагать в светлое будущее. Вместе, значит, с хозяевами ихними.

– Ну, а если, например, кто заявления не напишет? – полюбопытствовал дед Василь, стоявший в первом ряду, среди самых уважаемых селян.

– А нам, Василь, твое заявление и нужно-то не очень. Тебе нужнее. Покаешься – может, и сбережешь тогда шкуру свою кулацкую. А и не напишешь заявления, так все равно мельница твоя в неделимый фонд колхоза отходит. Согласно текущему постановлению советской власти.

– Мельницу я с Захаром не один год честным трудом подымал, – возразил Василь. – Отнять ее у меня – это ведь как ограбить.

– Верно сказал, дедок. Партия, значит, наша так и повелела: грабь награбленное.

– Врешь ты все, – ощерился Микола, стоявший рядом с дедом. – Слова эти, когда революция шла, партия про помещиков говорила. Чтобы ихнее имущество отнять и между трудовым крестьянством поделить. Не говорила такого партия, чтобы простого селянина грабить потому, что он трудом своим лучше других живет!

– Раньше не говорила, а теперь, значит, сказала. Текущий момент понимать надо. Кулакам – им на селе капитализм требуется, чтоб самим жиреть, а беднякам на них горбатиться.

– Это ты что ли, Иван, на кого-то горбатился? – взорвался Микола. – Да ты и на семью собственную не горбатился никогда, испитая твоя морда!

В толпе раздалась смешки. Глаза Ивашки превратились в щелочки.

– А за слова такие с тебя, Микола, с кулацкого подголоска, спросят. Кто поперек станвится, мы того в порошок сотрем по всей строгости обострившейся классовой борьбы.

– Это меня, красного конника, в порошок?! Ах, гад, попался бы ты мне, когда я в Первой конной служил!.. – побелевший Микола шагнул к худосочному Ивашке, схватил его за шею клещами-пальцами. – Придушу гада на месте!

Вскочил уполномоченный, закричал что-то по-петушиному, портфель со стола в пыль хлопнулся. Бросились к Миколу милиционеры, повалили на землю. Рванулся было Гришка на

помощь отцу, но не успел. Заломив руки, милиционеры затащили отца в сельсовет, заперли в подвале. А вечером увезли в Белую Церковь.

Наутро заторопилась в город Фрося. Два дня обивала пороги, а на третий день буркнул ей начальник, не подымая глаз от бумаг, чтоб ехала домой. Дескать, муж ее как не разоружившийся подкулачник уже отправлен на поселение в Сибирь. Покатились тихие слезы из немигающих Фросиных глаз. Поднял голову начальник, сказал с усмешкой, чтобы не убивалась так. Сверху указание есть: скоро все кулацкие семьи тоже поедут на поселение. Вот она с мужем и свидится...

Навалилась на Небратково ранняя осень, зачастили дожди. Торопились селяне убрать все с полей поскорее. А дед Василь в эту страдную пору почти не выходил из дому. Сидел в горнице, отрешенно уставившись в затянутое тучами небо за окном. Лежали на подоконнике его не привыкшие к праздности руки. Старалась не беспокоить мужа бабка Катерина – сама с дочками и Захаром управлялась по хозяйству. Ухаживали, как всегда, за скотиной. С огорода, позади хаты, все убрали. В базарные дни ездил Захар в Алексеевку и Каменку, продавал мед с пчельника – деньги, они всегда пригодятся. А что до урожая в поле, остались их восемь десятин нетронутыми. Кой прок заниматься этим – урожай на поселение не возьмешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.